

Смирнов Дмитрий Александрович

**Из неизданных материалов Д.
А. Смирнова к биографии А.
С. Грибоедова**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-94
ББК 63.3-8
Д53

Д53 **Дмитрий Александрович С.**
Из неизданных материалов Д.А. Смирнова к биографии А.С. Грибоедова /
Смирнов Дмитрий Александрович – М.: Книга по Требованию, 2026. – 69 с.

ISBN 978-5-519-74101-9

ISBN 978-5-519-74101-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2026

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2026

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ИЗЪ НЕИЗДАННЫХЪ МАТЕРІАЛОВЪ Д. А. СМІРНОВА КЪ БІОГРАФІИ А. С. ГРИБОѢДОВА.

Дмитрій Александровичъ Смирновъ (1819 — 1866) родился въ селѣ Суцевѣ, подъ Владимиромъ, въ имѣніи, купленномъ въ 1802 г. его бабкой по матери, Натальей Ѳедоровной Лачиновой (рожденной Грибоѣдовой), у отца автора «Горе отъ ума», дворянина Владимирской губерніи секундъ-майора Сергѣя Ивановича Грибоѣдова. Еще задолго до окончанія перваго отдѣленія философскаго факультета московскаго университета, въ 1841 г., заинтересовался онъ жизнью и дѣятельностью знаменитаго дяди своего Александра Сергѣевича Грибоѣдова (1795 $\frac{4.I}{30.I}$ 1829). Мать Смирнова, Варвара

Семеновна, приходилась по матери своей родной (помянутой Натальѣ Ѳедоровнѣ) въ родствѣ съ отцомъ и матерью писателя, принадлежавшими, какъ извѣстно, къ одному и тому же роду Грибоѣдовыхъ, но къ различнымъ его колѣнамъ (отецъ писателя приходился троюроднымъ дядей своей женѣ Настасьѣ Ѳедоровнѣ). Варвара Семеновна подходила по лѣтамъ къ юному поэту и, по выраженію Д. А. Смирнова, «почти что воспитывалась вмѣстѣ съ нимъ». Поэтому самыя интимныя свѣдѣнія о жизни, личности и дѣятельности Грибоѣдова Смирновъ имѣлъ возможность знать еще съ дѣтства. «Любовь къ этой высокой, свѣтлой, такъ рано и такъ мученически погибшей личности запала въ душу мою еще ребенкомъ и не оставляла никогда, напротивъ», признавался за нѣсколько лѣтъ до своей смерти Д. А. Смирновъ: «она становилась чѣмъ старѣй, тѣмъ сильнѣй». Онъ зналъ лично Настасью Ѳедоровну, мать писателя, жившую почти безвыѣздно въ Москвѣ и извѣстную тамъ по своему уму и рѣзкости тона († 1833); въ 1840 г. познакомился съ испытаннымъ, вѣрнымъ другомъ его Степаномъ Никитичемъ Бѣгичевымъ (1785—1858), а у него въ домѣ съ докторомъ правъ Богданомъ Ивановичемъ Ионовъ, или, какъ его коротко называли, докторомъ Джономъ, прожившимъ съ Грибоѣдовымъ 11 лѣтъ. Эти два старика до конца дней оста-

вались вѣрны памяти А. С. Грибоѣдова и часто, сходясь вмѣстѣ, предавались самымъ задушевнымъ и оживленнымъ воспоминаніямъ о великомъ человѣкѣ. Молодой студентъ, хорошо понимавшій цѣнность ихъ разсказовъ, записывалъ все, что слышалъ. Такимъ образомъ набралась у него «хотя небольшая, но такая тетрадь біографическихъ о Грибоѣдовѣ матеріаловъ, какой, конечно, нигдѣ нѣтъ». Затѣмъ онъ познакомился и разспросилъ о Грибоѣдовѣ такихъ авторитетныхъ свидѣтелей жизни автора «Горе отъ ума», какъ родную его сестру Марію Сергѣевну (по мужу Дурново), Андрея Андреевича Жандра (въ 1858—59 гг.), преданнаго друга и сотрудника въ раннихъ его литературныхъ опытахъ, знаменитыхъ артистовъ М. С. Щепкина и И. И. Сосницкаго, знавшихъ лично страстного театрала, какимъ былъ гениальный драматургъ, князя В. Ф. Одоевскаго, двоюроднаго брата Грибоѣдова, С. П. Жихарева, переписывался съ вдовой писателя Ниной Александровной (рожденной княжной Чавчавадзе) и т. п. Весь этотъ болѣе чѣмъ 25-лѣтній трудъ Д. А. Смирнова, лелѣявшаго мысль «издать полную книгу о Грибоѣдовѣ, въ которую входила бы возможно полная его біографія, все, что было написано самимъ Грибоѣдовымъ, и все, что было писано о немъ (послѣднее, какъ особое къ книгѣ приложение)»,—почти не увидѣлъ свѣта. Смирновъ страшно медлилъ съ печатаніемъ собраннаго имъ «богатства», отчасти благодаря службѣ, которая отняла у него въ первыя десять лѣтъ его жизни по окончаніи университета время и силы. (Онъ служилъ сначала въ канцеляріи орловскаго губернатора и былъ откомандированъ въ распоряженіе сенатора, ревизовавшаго Орловскую и Калужскую губерніи, а затѣмъ былъ выбранъ дворянствомъ въ должность засѣдателя владимирской палаты гражданскаго суда. Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ былъ однимъ изъ самыхъ ревностныхъ мировыхъ посредниковъ). Отчасти ему хотѣлось, какъ и всякому біографу, работающему по первоисточникамъ, собрать все въ большемъ и большемъ количествѣ неизвѣстный матеріалъ о жизни своего знаменитаго дяди, и ему все казалось мало. Отчасти—и едва ли это было не главной причиной—онъ былъ, по собственному признанію, «связанъ» личными отношеніями къ тѣмъ близкимъ Грибоѣдову людямъ, которые приучили его чтить память поэта и подѣлились съ нимъ всѣмъ, что знали о его жизни и что сберегли отъ его писательской дѣятельности. Даже единственную, напечатанную при жизни статью въ «Русскомъ Словѣ» (1859 г., №№ 4—6) Д. А. Смирновъ опубликовалъ только послѣ смерти Вѣгичева. Статья эта называется «Черновая тетрадь Грибоѣдова», и ея цѣнность тѣмъ болѣе значительна теперь для біографовъ и издателей сочиненій Грибоѣдова, что подлинникъ, автографъ этой черновой, подаренный Вѣгичевымъ Д. А. Смирнову, сгорѣлъ. Смирновъ чуть не до конца

жизни руководился соображеніемъ, что «вполнѣ говорить о Грибоѣдовѣ еще дѣйствительно рано, а говорить о немъ никогда не будетъ поздно»—и потому медлилъ. Тѣмъ временемъ его мысль объ изданіи полной книги о Грибоѣдовѣ осуществилъ, и довольно по тѣмъ временамъ удачно, Евграфъ Серчевскій (А. С. Грибоѣдовъ и его сочиненія. Спб. 1858. Стр. 404). Послѣ выхода этой книги Смирновъ и помѣстилъ въ «Русскомъ Словѣ» вышеназванную «Черновую тетрадь Грибоѣдова», задумавъ и подготовивъ еще двѣ новыя статьи по богатымъ матеріаламъ, хранившимся исключительно въ однѣхъ его рукахъ. Это были «Грибоѣдовъ и его критики», или—какъ называетъ онъ ее въ письмѣ къ князю В. Ф. Одоевскому—«Матеріалы для исторіи «Горе отъ ума», гдѣ сообщались во всѣхъ подробностяхъ: исторія изданія великой комедіи, текстъ ея съ вариантами по рѣдкостному автографу «Горе отъ ума», хранившемуся у С. Н. Бѣгичева, и всѣ появлявшіяся въ печати критическія о ней статьи. Работа эта «не вчернѣ, а только въ маломъ объемѣ» была написана въ 1858 г. Наконецъ, послѣдней статьей должны были появиться «Матеріалы для біографіи А. С. Грибоѣдова», гдѣ было что сказать Д. А. Смирнову. Статья эта могла устранить много сомнѣній изъ біографіи писателя и сообщить факты изъ поры его дѣтства и юности, остающіеся и донинѣ неизвѣстными біографамъ, благодаря уtratѣ всего семейнаго архива Грибоѣдовыхъ. Статьи эти, однако, не были напечатаны вовсе. Изъ первой осталось въ рукописи лишь предисловіе къ «Горе отъ ума», написанное авторомъ въ 1851 г., вмѣстѣ съ текстомъ комедіи и вариантами, а изъ второй лишь полемическая статья въ защиту Грибоѣдова противъ обвиненій Д. В. Давыдова въ статьѣ М. Погодина—«А. П. Ермоловъ. Матеріалы для его біографіи» («Русск. Вѣстн.» 1863, XII). Она напечатана послѣ смерти автора въ «Вѣстѣдахъ Общества Любителей Россійской Словесности» (1868 г., выпускъ 2). Повидимому, автору пришлось считаться и съ интересами времени: въ концѣ 50-хъ и началѣ 60-хъ годовъ общественные и политическіе вопросы такъ овладѣли читающей публикой, что журналамъ было не до историческихъ матеріаловъ, какъ бы драгоценны они ни были, да и специальныхъ историческихъ органовъ у насъ въ то время вовсе не существовало. Самъ Д. А. Смирновъ, поддавшись общему теченію, вступилъ вновь на службу въ почетную и интересную должность мирового посредника. Съ читающей публикой онъ подѣлился въ «Эпохѣ» 1864—65 годовъ своими «Отрывками изъ записокъ мирового посредника», напечатанными подъ псевдонимомъ «Владимиръ Нарпенскій». Въ томъ же журналѣ подъ своей фамиліей ему удалось помѣстить и рассказы историческаго характера подъ заглавіемъ «Изъ старинной бывальщины»: 1) Майданы. 2) Полотенце. 3) Меркулычъ. Еще ранѣе печатался онъ въ «Русской

Бесѣдѣ» (1842 г., т. III. Разсказъ «Жизнь и смерть Оомы Оедоровича») и въ «Репертуарѣ русскихъ и Пантеонѣ европейскихъ театровъ» (1842 г., кн. XIII, «Проѣздъ черезъ Орелъ М. С. Щепкина»). Всю жизнь Смирновъ былъ страстный театралъ и съ большимъ вниманіемъ слѣдилъ за успѣхами нашей сцены и особенно драматическаго театра. Но матеріалы о Грибоѣдовѣ даже въ 1865 г. Д. А. Смирновъ считалъ невозможнымъ напечатать *всѣ* цѣликомъ, а печатать ихъ отрывками, по частямъ онъ не хотѣлъ, такъ какъ думалъ, что они могутъ получить истинный свой смыслъ и значеніе только во взаимной связи, въ общей сложности картины. Ранняя смерть на 47-мъ году жизни пресѣкла литературную дѣятельность Смирнова. Вдова его Софья Андреевна (рожденная Лихачева—1828—1900), принимавшая всегда самое близкое участіе въ литературныхъ трудахъ мужа, передала послѣ его смерти матеріалы о Грибоѣдовѣ обществу любителей россійской словесности, состоящему при московскомъ университетѣ. Общество, напечатать одну указанную выше статью Д. А. Смирнова въ своихъ «Бесѣдахъ» (1868 г., вып. 2), обѣщало напечатать въ слѣдующемъ же выпускѣ «Матеріалы къ исторіи «Горе отъ ума», но почему-то этого не исполнило. Въ 1874 г. рукописнымъ сборникомъ матеріаловъ Смирнова о Грибоѣдовѣ, хранившимся въ обществѣ, пользовался членъ общества, бывшій впослѣдствіи его предѣвателемъ, нынѣ почетный академикъ Алексѣй Веселовскій для статьи «Очеркъ первоначальной исторіи «Горя отъ ума» («Р. Архивъ» 1874 г., кн. 6) Къ сожалѣнію, г. Веселовскій не перечислилъ, изъ какихъ именно бумагъ состоялъ тотъ сборникъ матеріаловъ, которыми онъ воспользовался, и далеко не обстоятельно выдѣлилъ при изложеніи тѣ заимствованія, которыя имъ были сдѣланы изъ этого источника. Правда, названная статья составила изъ рѣчи, которую произнесъ авторъ, но и въ 1875 г., когда А. Веселовскій написалъ для «Русской Библіотеки» (изд. М. М. Стасюлевича, томъ V) біографію Грибоѣдова, онъ опять не сдѣлалъ (за исключеніемъ двухъ мѣстъ на стр. 118 и 191) точныхъ указаній на смирновскіе источники. Не было сдѣлано сносковъ и разъясненій въ этомъ смыслѣ и во второмъ изданіи тома V «Русской Библіотеки» въ 1878 г. Послѣ 1878 года общество и его члены долго не возвращались къ Грибоѣдову, а сборникъ рукописныхъ матеріаловъ тѣмъ временемъ исчезъ изъ библіотеки общества неизвѣстно куда, оставшись научно не использованнымъ. Случилось это, вѣроятно, въ промежутокъ между 1878 и 1888 г., такъ какъ въ 1889 г., когда этими матеріалами хотѣлъ воспользоваться И. А. Шляпкинъ для редактированнаго имъ изданія «Полнаго собранія сочиненій А. С. Грибоѣдова»,—смирновскихъ рукописей, «несмотря на тщательныя поиски А. Веселовскаго въ библіотекѣ общества», уже не оказа-

лось. (Шляпкинъ. Полное собраніе сочиненій А. Грибоѣдова. Т. I, стр. 352). Ихъ нѣтъ въ обществѣ и нынѣ. Еще болѣе злая судьба постигла ту часть матеріаловъ о Грибоѣдовѣ, которая осталась по смерти Д. А. Смирнова въ его имѣніи. Здѣсь, кромѣ различныхъ матеріаловъ о Грибоѣдовѣ, принадлежащихъ рукѣ Смирнова, находились подлинники-автографы А. С. Грибоѣдова: «Дмитрій Дрянской»—первое юношеское произведеніе поэта, нигдѣ не напечатанное (содержаніе его рассказано С. Н. Бѣгичевымъ въ его біографической запискѣ въ «Русскомъ Вѣстникѣ» 1892, августъ, стр. 307 и сл.), и помянутая выше «Черновая тетрадь Грибоѣдова», подробно описанная въ «Русскомъ Словѣ» (1859, № 4—6), но, повидимому,—если судить по отрывку изъ нея, какими-то путями попавшему въ рукописное отдѣленіе Публичной бібліотеки (стихотвореніе «Прости, отѣчество»),—не съ достаточной полнотой использованная для печати. Бумаги эти хранились въ двухъ большихъ портфеляхъ и погибли безвозвратно: онѣ сгорѣли вмѣстѣ съ обширной бібліотекѣю Д. А. Смирнова во время пожара имѣнія, случившагося около 1877 г. Уцѣлѣло изъ рукописей какимъ-то чудомъ очень немногое: 1) фамиліные документы, относящіеся до родословной Грибоѣдовыхъ и родственныхъ имъ фамилій, 2) нѣсколько черновыхъ бумагъ Смирнова и копій съ подготовительныхъ матеріаловъ, собранныхъ для біографіи Грибоѣдова, и 3) обширная работа «Объ университетахъ въ Россіи и о 100-лѣтнемъ юбилеѣ московскаго университета». Изъ этихъ матеріаловъ, принадлежащихъ перу Д. А. Смирнова, помѣщены ниже: рассказы С. Н. Бѣгичева, Б. И. Юна, А. А. Жандра и И. И. Сосницкаго. Печатается этотъ матеріалъ съ благосклоннаго разрѣшенія, даннаго намъ сыномъ автора Ю. Д. Смирновымъ.

С.-Петербургъ. Январь 1909.

Н. В. Шаломытовъ.

I.

Разказы С. Н. Вѣгичева и Б. И. Иона. — Арестъ Грибоѣдова по дѣлу 14 декабря. — Дорога съ фельдъегеремъ Уклонскимъ до Петербурга черезъ Москву и Тверь. — Четверостишіе Грибоѣдова о своемъ заключеніи. — Искусство Грибоѣдова очаровывать окружающихъ. — Прогулки Грибоѣдова къ Жандру изъ — подъ ареста по ночамъ. — Случай съ надсмотрщикомъ. — Оправданіе. — Слова императора Николая, сказанныя Грибоѣдову при аудіенціи. — Возвращеніе на Кавказъ. — Паскевичъ ждетъ Грибоѣдова въ Воронежѣ. — Предположенія Грибоѣдова о женитьбѣ на дочери частнаго пристава. — Дѣятельное участіе Грибоѣдова въ персидской кампаніи 1827—28 г.г. — Отношенія къ Аббасу-Мирзѣ. — Личная храбрость на войнѣ.

Любятъ старики Грибоѣдова! Очень любятъ! Цѣлые часы проходятъ иногда въ толкахъ о немъ, въ припоминаніяхъ, самыхъ наивныхъ, самыхъ добродушныхъ, согрѣтыхъ искреннею любовью къ предмету рѣчи—къ Грибоѣдову. И проходятъ незамѣтно. Одинъ—вѣроятно, въ сотый разъ—разсказываетъ другому какой-нибудь случай изъ жизни покойнаго Грибоѣдова, а другой—тоже въ сотый разъ—слушаетъ съ полнымъ вниманіемъ, съ любопытствомъ... И вдругъ что-нибудь покажется слушателю не такъ, и онъ перебиваетъ разсказчика: «Нѣтъ, нѣтъ, постойте! Вы перепутали». И разсказчикъ останавливается. И вотъ начинается споръ: «Это было тогда-то» или «это было такъ-то»... А я, питомецъ новыхъ идей, гражданинъ новыхъ поколѣній, слушаю эти разказы и споры съ голоднымъ вниманіемъ, но—сохрани Боже—не съ голоднымъ вниманіемъ какого-нибудь беллетриста или фельетоннаго правоописателя, нѣтъ. Я сознаю самъ въ себѣ искреннее глубокое чувство любви къ Грибоѣдову, да, во мнѣ это чувство сознательное, могу сказать, искушенное. И, слушая то, что черезъ... написать страшно. Неужели перо мое осмѣлится опредѣлить ту мѣру дней, которая отпущена на землѣ этимъ двумъ благороднымъ созданіямъ, этимъ двумъ старикамъ¹⁾. Нѣтъ, дай Богъ имъ еще счастливыхъ много дней, какъ сказалъ нашъ Пушкинъ. Да, дай Богъ.

¹⁾ Неизвѣстно, какихъ лѣтъ былъ Б. И. Ионъ, но С. Н. Вѣгичеву въ 1842 г. было всего 57 лѣтъ.

У Бѣгичева семейство: только 13 лѣтъ старшему сыну, а тамъ все малъ-мала меньше, какъ говоритъ русская поговорка. И надо видѣть, какой отецъ, какой умный, добрый и попечительный отецъ этотъ почтенный старикъ Бѣгичевъ. А старикъ Іонъ, докторъ правъ, воспитатель Грибоѣдова. Этотъ старикъ, ученый докторъ, нѣмецъ ¹⁾, теплая и сама въ себѣ замкнутая душа, оплакалъ какъ-то, съ годъ, что ли, тому назадъ, смерть своего попугая. Въ этой почти дѣтской привязанности не видна ли самая гуманическая природа. И старикъ Іонъ написалъ стихи на смерть своего попугая. Надо видѣть ихъ, особенно слышать ихъ говорящими о Грибоѣдовѣ, чтобы ихъ полюбить. Ихъ поэмы и фигуры стоятъ иногда кисти Ванъ-Дейка.

1842 года, февраля 27, часовъ въ 10 вечера отправился я къ Бѣгичеву. Я засталъ его и старика Іона бесѣдующими въ кабинетѣ. Приняли меня, какъ и всегда, ласково. Слово за слово рѣчь зашла о Грибоѣдовѣ, и я услышалъ слѣдующее. 14 декабря 1825 года надѣлало, какъ извѣстно, много суматохи въ Россіи. На Грибоѣдова, между прочимъ, тоже пало подозрѣніе правительства. Въ февралѣ ²⁾ 1826 года прискакалъ въ Грузію къ А. П. Ермолову курьеръ съ повелѣніемъ арестовать Грибоѣдова и отправить немедленно въ Петербургъ. Ермоловъ и Грибоѣдовъ, несмотря на различіе лѣтъ и поста, были связаны тѣсными отношеніями: съ

¹⁾ Это указаніе на нѣмецкое происхожденіе Іона свидѣтельствуетъ, что нѣмцы не переводились въ домѣ Грибоѣдова: 1) Сначала Петрозиліусъ, «учительскій халатъ, перстѣ указательный, сіяніе гюменца» котораго долго потомъ не могъ забыть поэтъ. 2) Th. Buhle, оказавшій сильное вліяніе въ университетѣ на автора «Горе отъ ума». 3) В. В. Шнейдеръ, товарищъ университетскій Грибоѣдова, впоследствии профессоръ спб. университета. 4) Б. И. Іонъ, ученый педагогъ, любитель театра,—былъ даже помощникомъ управляющаго нѣмцами театромъ въ С.-Петербургѣ въ 1819 году. 5) Даже въ 1823 году при Марѣѣ Сергѣевнѣ, сестрѣ писателя, была какая-то нѣмка въ московскомъ домѣ Грибоѣдовыхъ, что явствуетъ изъ приписки М. С., сдѣланной на запискѣ А. С. Грибоѣдова къ кн. В. Ѳ. Одоевскому: «Mon allemande étant sortie et le livre se trouvant dans sa chambre...» (см. въ рукописномъ отдѣленіи Публичной бібліотеки автографы Грибоѣдова)... Немудрено, что поэтъ воскликнулъ:

«Какъ съ раннихъ лѣтъ привыкли вѣрить мы,
«Что намъ безъ нѣмцевъ нѣтъ спасенья!»

или

«Что ничего нѣтъ выше нѣмца»,

какъ стояло въ первоначальной, московской редакціи «Горе отъ ума».

Н. III.

²⁾ Фельдъегерь Уклонскій съ приказаніемъ арестовать Грибоѣдова прибылъ въ крѣпость Грозную къ А. П. Ермолову не въ февралѣ, а 22 января 1826 г. вечеромъ и на другое же утро увезъ Грибоѣдова.

глазу на глазъ они говорили другъ другу «ты». Прискакавшій курьеръ нашелъ за ужиномъ Ермолова съ гостями, въ числѣ которыхъ былъ и Грибоѣдовъ. Они ужинали запросто, весело и безпечно. Когда доложили Ермолову о пріѣздѣ курьера, онъ вышелъ изъ-за стола и, прочитавши депешу въ другой комнатѣ, возвратился блѣдный и встревоженный и вызвалъ къ себѣ Грибоѣдова. Грибоѣдовъ принялъ полученную Ермоловымъ вѣсть очень равнодушно. «Ступай домой, — сказалъ ему Ермоловъ: — я могу дать тебѣ только 2 часа свободнаго времени, сожги все, что можешь». Грибоѣдовъ отказался упрямо и рѣшительно, онъ не сдѣлалъ ни шагу изъ квартиры Ермолова и велѣлъ принести себѣ туда изъ своей квартиры нужныя вещи, платье, бѣлье, деньги и прямо изъ квартиры Ермолова поскакалъ съ курьеромъ въ Петербургъ ¹⁾. Видно, совѣсть была чиста. И въ самомъ дѣлѣ совѣсть его была чиста въ этомъ дѣлѣ. «Я говорилъ имъ, что они дураки» — вотъ слова Грибоѣдова, которыя всегда повторялъ Степанъ Никитичъ, говоря объ отношеніяхъ его къ заговорщикамъ ²⁾. Грибоѣдовъ имѣлъ удивительную способность влюблять въ себя все его окружающее. Можно сказать смѣло, что все, что только было около него, любило его. И немудрено: это былъ такой высокій, чистый, человѣчественный характеръ. Еще прежде слыхалъ я отъ Бѣги-

¹⁾ Отъ этого указанія на отказъ Грибоѣдова сходить домой Д. А. Смирновъ, повидимому, вполнѣдовѣдствіи отказался. Въ 1865 г. онъ самъ написалъ: «Грибоѣдовъ ушелъ, и, послѣ назначеннаго срока, Ермоловъ пришелъ арестовать его со всей толпой — съ начальникомъ штаба и адъютантами». (См. «Вѣсѣды въ О. Л. Р. Слов.», вып. 2. М. 1868. Отдѣленіе 2-е. А. С. Грибоѣдовъ, стр. 22). Единственный очевидецъ ареста Грибоѣдова, рассказавшій объ этомъ («Р. Арх.» 1876. кн. 7, стр. 339—344), Н. В. Шимановскій свидѣтельствуетъ, что бумаги Грибоѣдова уничтожили его челоѣкъ Алексаха (вѣроятно, Сашка Грибовъ, молочный братъ поэта) въ отсутствіе его, по чѣму-то приказанію. Однако часть бумагъ все-таки была отобрана у Грибоѣдова (какъ видно изъ дѣла объ арестѣ колл. асс. Грибоѣдова, сохранившагося въ архивѣ гражданскаго управленія на Кавказѣ) и, зашитая въ холстъ, съ печатами присутствующихъ (пожовника Мищенко, поручика Талызина и фельдъегеря Уклонскаго) безъ описи сдана подъ расписку Уклонскаго. (Е. Г. Вейденбаумъ. Кавказскіе этюды. Тифлисъ. 1901. Стр. 261—267). О судьбѣ этого пакета см. ниже въ рассказѣ А. А. Жандра. Ср. примѣчанія мои къ стр. 26 и сл.

²⁾ Можно предположить, что С. Н. Бѣгичевъ не хотѣлъ съ 23-лѣтнимъ молодымъ челоѣкомъ распространяться на политическія темы и выражалъ не Грибоѣдовское, а м. б. личное отношеніе къ заговорщикамъ. Впрочемъ, и позднѣе, въ 1865 году, Смирновъ приводитъ выраженіе Грибоѣдова «сто челоѣкъ, прапорщикова хотѣть измѣнить весь государственный бытъ Россіи». Тѣмъ замѣчательнѣе приводимое ниже показаніе А. А. Жандра о «подномъ» участіи А. С. Грибоѣдова въ заговорѣ декабристовъ и его объясненіе фразы Грибоѣдова о 100 прапорщикахъ. Д. А. Смирновъ въ 1865 году былъ связанъ словомъ, такъ какъ былъ живъ А. А. Жандръ, повидимому, не разрѣшившій ему печатать своихъ рассказовъ о Грибоѣдовѣ, и потому умолчалъ объ этомъ важномъ разъясненіи друга Грибоѣдова.

чева, что товарищи Грибоѣдова по службѣ или, можетъ быть, просто люди знакомые, находившіеся такъ же, какъ и онъ, при особѣ Ермолова, отпуская Грибоѣдова въ Петербургъ съ прискакавшимъ за нимъ курьеромъ, крѣпко-накрѣпко наказывали этому курьеру довести Грибоѣдова цѣла и сохранна, или никогда уже къ нимъ не показываться ¹⁾: этотъ курьеръ имѣлъ частыя порученія въ Грузію. Грибоѣдовъ, какъ видно, не очень беспокоился о томъ, что его ждетъ въ Петербургѣ, и хотѣлъ ѣхать не иначе, какъ *à son aise*. А можно ли было такъ ѣхать съ курьеромъ, присланнымъ взять его и доставить въ Петербургъ по подозрѣнію правительства? Однако такъ было, и Грибоѣдовъ ѣхалъ *à son aise*. Онъ ночевалъ въ Новочеркасскѣ, а какую штуку отшилъ въ Москвѣ, такъ это дѣйствительно можно только съ Грибоѣдовскимъ характеромъ. Вотъ она, по разсказу Вѣгичева. Приѣхавши въ Москву, Грибоѣдовъ проѣхалъ прямо въ домъ Дмитрія Никитича ²⁾ въ Старой Конюшенной, въ приходѣ Пятницы Божедомской. Онъ не вѣхалъ къ Степану Никитичу, вѣроятно, для того, чтобы не испугать его. Дѣльно! «Въ этотъ самый день,—разсказывалъ Вѣгичевъ,—какъ Грибоѣдовъ приѣхалъ въ Москву, у меня былъ обѣдъ: съѣхались родные ³⁾. Братъ Дмитрій Никитичъ долженъ былъ, разумѣется, обѣдать у меня же въ обществѣ родныхъ. Ждали мы его, ждали—нѣтъ! Сѣли за столъ. Во время самага обѣда мнѣ вдругъ подають отъ брата записку слѣдующаго содержанія: «Если хочешь видѣть Грибоѣдова, приѣзжай, онъ у меня». На радостяхъ, ничего не подозрѣвая, я бухнулъ эту вѣсть за столomъ во всеуслышаніе. Зная мои отношенія къ Грибоѣдову, родные сами стали посылать меня на это, такъ неожиданно прислѣвшее свиданіе. Я отправился. Вхожу въ кабинетъ къ брату. Накрываетъ столъ, сидитъ и обѣдаетъ Грибоѣдовъ, братъ и еще безволосая фигурка въ курьерскомъ мундирѣ ⁴⁾. Увидаль я эту фигурку и меня обдало холоднымъ потомъ. Грибоѣдовъ смекнулъ дѣломъ и сей же часъ нашелся. «Что ты смотришь на него?» сказалъ мнѣ Грибоѣдовъ, указывая на курьера. «Или ты думаешь, что это такъ просто курьеръ? Нѣтъ, братецъ, ты не смотри, что онъ курьеръ, онъ знатнаго происхожденія: испанскій грандъ Донъ-

¹⁾ Въ 1865 году (В. О. Л. Р. С. 1868, стр. 23) прибавлено: «ибо сіе можетъ быть ему (курьеру) вредно».

²⁾ Дмитрій Ник. Вѣгичевъ (1786—55), безызвѣстный писатель, впоследствии воронежскій губернаторъ и сенаторъ, былъ сослуживцемъ Грибоѣдова, занимая должность правителя канцеляріи при своемъ дядѣ, начальникѣ кавалерійскихъ резервовъ въ 1812—14 годахъ, генералъ-аншефъ А. С. Кологривовъ, адъютантами котораго были С. Н. Вѣгичевъ и А. С. Грибоѣдовъ.

³⁾ Въ 1865 году послѣ этихъ словъ добавлено: «проводить брата моей жены А. И. Барышниковъ, возвращавшагося изъ отпуска на службу».

⁴⁾ Фельдшеръ Уклонскій, впоследствии почтмейстеръ въ Гатчинѣ.

Лыско-Плѣшивость-ди-Париченца». Этотъ фарсъ разсмѣшилъ меня своею неожиданностью и показалъ, въ какихъ отношеніяхъ находится Грибоѣдовъ къ своему тѣлохранителю. Мнѣ стало легче. Отобѣдали, говорили. Грибоѣдовъ былъ веселъ и покоенъ какъ нельзя больше. «Ну, что, братецъ,—сказалъ онъ наконецъ своему тѣлохранителю:—вѣдь у тебя здѣсь есть родные, ты бы съѣздилъ повидаться съ ними». Тѣлохранитель былъ очень радъ, что Грибоѣдовъ его отпускаетъ, и сейчасъ же уѣхалъ. Мы остались одни. Первымъ моимъ вопросомъ Грибоѣдову было удивленіе, какими судьбами и по какому праву распоряжается онъ такъ своевольно и временемъ, которое уже не принадлежало ему, и особою своего тѣлохранителя. «Да, что,—отвѣчалъ мнѣ Грибоѣдовъ:—я сказалъ этому господину, что если онъ хочетъ довести меня живого, такъ пусть дѣлаетъ то, что мнѣ угодно. Не радость же мнѣ въ тюрьму ѣхать». Грибоѣдовъ пріѣхалъ въ Москву въ 4 часа ¹⁾, около обѣда, а выѣхалъ въ 2 часа ночи. «На третій день,—прибавляетъ Бѣгичевъ,—послѣ проѣзда Грибоѣдова черезъ Москву я былъ у его матери Настасьи Ѳедоровны, и она съ обычной своей заносчивостью ругала Грибоѣдова: «карбонарій» и то, и се, и десятое. Проѣздомъ черезъ Тверь, какъ я отъ него узналъ послѣ, онъ опять остановился: у тѣлохранителя была въ Твери сестра, и они въѣхали къ ней. Къ счастью и несчастью Грибоѣдова, онъ, войдя въ комнату, увидѣлъ фортепіано и, глубокий музыкантъ въ душѣ, ученый теоретикъ ²⁾, онъ не могъ вытерпѣть и сѣлъ за фортепіано. Девять битыхъ часовъ его не могли оторвать отъ инструмента. Въ Петербургѣ Грибоѣдова засадили въ главный штабъ. Скучно стало тамъ сидѣть Грибоѣдову. Можетъ быть, сознаніе правоты своего дѣла еще усилило эту томительную однообразную

¹⁾ По редакціи 1865 года: «около 4 часовъ пополудни» (вѣроятно, 7—8 февраля 1826 г.).

²⁾ М. И. Глинка цѣнилъ музыку А. С. Грибоѣдова. Въ своихъ запискахъ онъ отмѣчаетъ (1828 г.): «Провелъ около цѣлаго дня съ Грибоѣдовымъ, авторомъ комедіи «Горе отъ ума». Онъ былъ очень хорошій музыкантъ и сообщилъ мнѣ тему грузинской пѣсни, на которую вскорѣ потомъ А. С. Пушкинъ написалъ романсъ: «Не пой, волшебница, при мнѣ»... (См. «Записки М. И. Глинки». Спб. 1887, стр. 48). До сихъ поръ исполняется на сценѣ при постановкѣ «Горе отъ ума» вальсъ сочиненія автора (см. «Историческій Вѣстн.» 1889, мартъ, «Воспоминанія о Бѣгичевѣ» Е. П. Соковинной, стр. 672 и сл.). Два вальса А. С. Грибоѣдова были напечатаны еще въ «Лирическомъ альбомѣ» на 1832 годъ (стр. 26 и 27). Вдова Грибоѣдова Нина Александровна знала много пьесъ собственной композиціи мужа, весьма замѣчательныхъ оригинальностью мелодіи и мастерскою обработкою. Она охотно исполняла ихъ любящимъ музыку. «Изъ нихъ въ особенности была хороша одна соната, исполненная задушевною прелестью». Пьесы эти остались незаписанными, и Нина Александровна унесла ихъ съ собою въ могилу. (См. № 34 «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», 1879 г., фельетонъ К. Бороздина—Н. А. Грибоѣдова). Н. III.